

Н. СЛАДКОВ

Загадочный зверь

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“
МОСКВА • 1979

Издательство
"МАЛЫШ"
Москва • 1979

Н. СЛАДКОВ

Загадочный зверь

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“
МОСКВА • 1979

РИСУНКИ
В. ФЕДОТОВА

Загадочный зверь

ЛЕСНЫЕ ТАЙНИЧКИ

Лес густой, зелёный и полон шорохов, писков, песен.

Но вот вошёл в него охотник — и мигом всё спряталось и насторожилось. Как волна от брошенного в воду камня, покатилась от дерева к дереву тревога. Все за кусток, за сучок — и молчок.

Теперь хочешь увидеть — сам стань невидим; хочешь услышать — стань неслышим; хочешь понять — замри.

Я это знаю. Знаю, что изо всех лесных тайничков следят за мной быстрые глаза, влажные носы ловят бегущие от меня струйки ветра. Много кругом зверьков и птиц. А попробуй найди!

Я пришёл сюда повидать сплюшку — крохотную, со скворца, сову.

Целые ночи она как заведённая кричит своё: «Сплю! Сплю! Сплю! Сплю!» — будто лесные часы тикают: «Тик! Тик! Тик!..»

К рассвету станут лесные часы — сплюшка смолкает и прячется. Да так ловко прячется, будто её никогда в лесу не было.

Голос-то сплюшки — ночные часы — кто не слышал! А вот какая она на вид? Я знал её только по картинке. И так мне захотелось увидеть её живьём, что я целый день пробродил по лесу, каждое дерево, каждую ветку осматривал, в каждый куст заглядывал. Устал. Проголодался. Но так и не нашёл её.

Сел на старый пенёк. Сажу. Молчу.

И вот, глядь, откуда ни возьмись — змейка. Серая. Плоская головка на тонкой шее, как бутон на стебельке. Выползла откуда-то и глядит мне в глаза, будто чего-то от меня ждёт.

Змейка — она пролаза, должна всё знать.

Я ей говорю, как в сказке:

— Змейка, змейка, поведай, где спряталась
сплюшка — лесные часы?

Змейка подразнила меня язычком да юрк в
траву.

И вдруг, как в сказке, открылись передо мной
лесные тайнички.

Длинно-длинно прошуршала в траве змейка,
показалась ещё раз у другого пня и вильнула под
его обомшелые корни. Нырнула, а из-под корней
выбежала большая зелёная ящерица с синей голо-
вой, точно кто-то вытолкнул её оттуда. Прошур-
шала по сухому листу — и шмыг в чью-то норку!

В норке другой тайничок. Хозяйка там тупоморденькая мышка-полёвка.

Испугалась она синеголовой ящерицы, выскочила из отнорка — из темноты на свет, заметалась-заметалась — и шасть под лежащую колодину.

Поднялся под колодиной писк, возня. Там тоже оказался тайничок. Целый день спали в нём два зверька — сони-полчки.

Выскочили из-под колодины сони-полчки, ошались от страха. Хвосты ершом. Взвинтились по стволу. Поцокали, да вдруг опять им страшно стало — ещё выше по стволу винтом кинулись.

А выше в стволе — дупло.

Сони-полчки хотели юркнуть в него, да сшиблись у входа лбами. Пискнули от боли, кинулись опять обе сразу — да так вместе и провалились в дупло.

А оттуда — фык! — маленький дупляной чёртик. Ушки на макушке — что рожки. Глаза круглые, жёлтые. Сел на сучок спиной ко мне, а голову так завернул, что смотрит на меня в упор.

Конечно, не чёртик это, а сплюшка — ночные часы!

Я моргнуть не успел, она — раз! — и в листву.

И там завозилось, запищало: тоже, значит, кто-то тайлся.

Так, от дупла к дуплу, от норки к норке, от колоды к колоде, от куста к кусту, от щели к щели шарахается со страху лесная мелюзга, открывая мне свои ухороночки-тайнички.

От дерева к дереву, от куста к кусту, как волна от камня, катится по лесу тревога. И все прячутся: скок-скок за кусток, на сучок — и молчок.

Хочешь увидеть — стань невидим. Хочешь услышать — стань неслышим. Хочешь узнать — затаись.

ТАЙНА СКВОРЕЧНИКА

В галочниках живут галки, в синичниках — синицы. А в скворечниках должны быть скворцы. Всё ясно и просто. Но в лесу редко бывает просто...

Знал я один скворечник, в котором жила... сосновая шишка! Она высовывалась из летка и шевелилась!

Помню, когда я подошёл к скворечнику, шишка в летке задёргалась и... спряталась!

Я быстро шагнул за дерево и стал ждать. Напрасно!

Лесные тайны так походя не разгадываются. Лесные тайны прячутся в дождях и туманах, скрываются в буреломах и болотах. Каждая за семью замками. И первый замок — это комары; они испытывают терпение.

Но какое уж тут терпение, когда шишка в летке поворачивается, как живая!

Я взобрался на дерево, сорвал со скворечника крышку. По самый леток скворечник был набит сосновыми шишками. И больше в нём ничего не было. И не было живой шишки: все лежали неподвижно.

Так и должно быть, больно быстро захотел разгадать. Попьют ещё комары кровушки!

Я выбросил из скворечника все шишки и слез с дерева.

Через много дней, когда ночи стали холодными и исчезли комары, я снова пришёл к лесному скворечнику. На этот раз в скворечнике поселился берёзовый лист!

Я долго стоял и смотрел. Листик насторожился, выглянул из летка и... спрятался!

Лес шуршал: опадали побитые заморозком листья. То мелькали они в воздухе, как иволги — золотые птицы, то сползали с шорохом по стволам, как рыжие белки. Вот осыплется лес, прибьют осенние дожди травы, запорошит землю снег... И останется тайна неразгаданной.

Я опять полез на дерево, не ждать же другого лета!

Снял крышку — скворечник до летка набит сухими берёзовыми листьями.

И больше ничего. И живого листика нет!

Поскрипывает берёза. Шуршат сухие листья. Скоро зима...

Я вернулся на другой же день.

— Посмотрим! — пригрозил я скворечниковой невидимке. — Кто кого перетерпит!

Сел на мох, спиной привалился к дереву. Стал смотреть.

Листья кружат, переворачиваются, порхают; ложатся на голову, на плечи, на сапоги.

Сидел я, сидел, да вдруг меня и не стало! Так бывает: ты идёшь — тебя все видят, а встал, за- таился — и исчез. Теперь другие пойдут, и ты их увидишь.

...Дятел прицепился с лёту к скворечнику да как застучит! А из него, из таинственного жилья живой шишки и живого листика, выпорхнули и полетели... мыши! Да нет, не летучие, а самые обыкновенные, лесные желтогорлые. Летели, как на парашютах, растопыря лапки. Попадали все на землю; от страха глаза на лоб.

Была в скворечнике их кладовая и спальня. Это они поворачивали, мне на удивление, шишки и листики в летке. И успевали удрать от меня незаметно и тайно. А дятел свалился им прямо на головы; быстрота и внезапность — хороший ключ к лесным тайнам.

Так скворечник превратился в... мышатник.

А во что, интересно, могут превратиться синичник и галочник?

Что ж, походим — узнаем...

ЗАГАДОЧНЫЙ ЗВЕРЬ

Кошка ловит мышей, чайка ест рыбу, му-
холовка — мух.

Скажи, что ты ешь, и я скажу, кто ты.

И слышу я голосок:

— Угадай, кто я? А ем я жуков и муравьёв!
Я подумал и твёрдо сказал:

— Дятел!

— Вот и не угадал! Ещё я ем ос и шмелей!

— Ага! Ты птица-осоед!

— Не осоед! Ещё я ем гусениц и личинок.

— Гусениц и личинок любят дрозды.

— А я не дрозд! Ещё я грызу сброшенные ло-
сями рога.

— Тогда ты, наверно, леснаямышь.

— И вовсе немышь. Бывает, я сама ем мышей!

— Мышей? Тогда ты, конечно, кошка.

— Томышка, токошка! И совсем ты не уга-
дал.

— Покажись! — крикнул я. И стал вглядывать-
ся в тёмную ель, откуда слышался голосок.

— Покажусь. Только ты признай себя побеждённым.

— Рано! — ответил я.

— Иногда я ем ящериц. А изредка рыбу.

— Может, ты цапля?

— Не цапля. Я ловлю птенцов и таскаю из птичьих гнёзд яйца.

— Похоже, что ты куница.

— Не говори мне про куницу. Куница мой старый враг. А ем я ещё почки, орехи, семена ёлок и сосен, ягоды и грибы.

Я рассердился и крикнул:

— Скорей всего, ты — свинья! Ты лопаешь всё подряд. Ты одичавшая свинья, которая сглупу забралась на ёлку!

— Сдаёшься? — спросил голосок.

Ветки качнулись, раздвинулись, и увидел я... белку!

— Запомни! — сказала она. — Кошки едят не только мышей, чайки ловят не только рыбу, мухоловки глотают не одних мух. А белки грызут не одни орешки.

ТУК-ТУК!

Тук-тук!
— Да!

Тук-тук!

— Войдите!

Тук-тук! Тук-тук!

Ого! Стучат не в дверь, а в окно!

Выглядываю — дятел!

Прицепился на открытую раму и серьезно так стучит.

— Здорово! — говорю. — Влетай!

А он как испугается! И в лес.

Бревенчатая изба для него, наверное, как огромное толстое дерево. Окно — как дупло. И в дупле, кажется ему, кто-то страшный сидит.

Белку в дупле дятел встречал, летучую мышь встречал, даже филина видел. А такое страшилище — никогда!

Наутро дятел опять прилетел — «дерево» дуплистое выстукать.

Для начала все брёвна пересчитал. Потом в каждое дупло-окно заглянул. Чудно: всё видно, а влезть нельзя!

Ступеньки пересчитал: шесть.

В трубу тюкнул: крепкая. Что бы ещё проверить?

Начал в заборе доски считать. С доски на доску, с доски на доску. Считал, считал — сбился. Начал сначала.

Считал-считал — неумоготу!

Не может больше считать — вот так наелся! На каждом брёвнышке по муравью, на каждой ступеньке по жуку, на каждой доске — по личинке. Нос набил, язык натёр. И живот вздулся. Синий такой и голый. Ну да, голый: дятел-то молодой!

Крылья и хвост у него, как у большого, а живот голый. Перья ещё короткие. И хоть шапка красная и нарядная, да ум в голове не тот. Это ж надо — дом с деревом спутал! Ну да ничего. Дней у него впереди — считать не пересчитать. Во всём ещё разберётся.

Тук-тук!

Будем знакомы!

ПЛЯСУНЬЯ

Ну и погодка, чтоб ей ни дна ни по-
крышки!

Дождь, слякоть, холод, прямо — бррр!.. В такую погоду добрый хозяин собаку из дому не выпустит.

Решил и я свою не выпускать. Пусть дома сидит, греется. А сам взял бинокль, оделся потеплее, надвинул на лоб капюшон — и пошёл. Любопытно всё-таки поглядеть, что в такую непогоду зверьё делает.

И только вышел за околицу, вижу — лиса! Мышкует — промышляет мышей. Рыскает по жнивью — спина дугой, голова и хвост к земле — ну чистое коромысло!

Вот легла на брюхо, ушки торчком — и поползла: видно, мышей-полёвок заслышала. Сейчас они то и дело вылезают из норок — собирают себе зерно на зиму.

Вдруг вскинулась лиса, потом пала передними ногами и носом на землю — вверх взлетел чёрный комочек. Лиса разинула зубастую пастишку, поймала мышь на лету. И проглотила, даже не разжевав.

Да вдруг и заплясала!

Подскакивает на всех четырёх, как на пружинках. То вдруг на одних задних запрыгает, как цирковая собачка — вверх-вниз, вверх-вниз! Хвостом машет, розовый язычок от усердия высунула.

Я давно лежу, в бинокль за ней наблюдаю. Ухо у самой земли — слышу, как она лапками топочет. Сам весь в грязи вымазался.

А чего она пляшет — не пойму! В такую погоду только дома сидеть — в тёплой, сухой норе! А она вон чего выкомаривает, фокусы какие ногами выделывает!

Надоело мне мокнуть — вскочил я во весь рост. Лиса увидала — тьякнула с испугу. Может, даже язык прикусила. Шасть в кусты — только я её и видел!

Обошёл я жнивье и, как лиса, всё себе под ноги гляжу.

Ничего примечательного: размокшая от дождей земля, порыжелые стебли.

Лёг тогда по-лисьему на живот: не увижу ли так чего?

Вижу много мышиных норок. Слышу: в норках мыши пищат.

Тогда вскочил я на ноги и давай лисий танец отплясывать! На месте подскакиваю, ногами топчу.

Тут как поскачут из-под земли перепуганные мыши-полёвки! Из стороны в сторону шарахаются, друг с другом сшибаются, пищат пронзительно...

Да что тут говорить: понял я, какую охоту испортил лисичке. Плясала — не баловала, мышей из норок выгоняла... Был бы у неё тут пир на весь мир!

Оказывается, вон какие звериные штучки можно узнать в такую погоду: лисьи пляски!

Плюнул бы я на дождь и на холод, пошёл бы других зверей наблюдать, да собаку свою пожалел.

Зря её с собою не взял.

Скучает, поди, в тепле-то под крышей.

МЕДВЕЖЬЯ ГОРКА

Н а охоте видишь зверя через прицел ружья. И потому всегда видишь его разъярённым или в страхе.

Увидеть зверя непуганым, за его домашними делами, — редкая удача.

А мне пришлось.

Охотился я в горах на горных индеек — уларов. До полдня пролазил зря. Улары — самые чуткие птицы гор. И лазить за ними приходится по кручам, у самых ледников.

Устал. Присел отдохнуть.

Тишина — в ушах звенит. Жужжат на припёке мухи. Кругом горы, горы и горы. Вершины их, как острова, поднялись из моря облаков.

Местами облачная пелена отодвинулась от склонов, и в просвет видна тёмная подоблачная глубина.

Проскользнул в просвет солнечный луч — по подоблачным лесам заколыхались подводные тени и блики. Попадёт в солнечный луч птица — сверкнёт, как золотая рыба.

Разомлел я на припёке. И заснул. Спал долго. Проснулся — солнце уже вечернее, с золотым ободком. От скал протянулись вниз узкие чёрные тени.

Ещё тише стало в горах.

Вдруг слышу — рядом, за бугром, будто бык вполголоса: «Мууу! Мууу!» И когтями по камням — шарк, шарк! Вот так бык! С когтями...

Выглядываю осторожно — на уступе ската медведица и два медвежонка.

Медведица только проснулась. Закинула башку вверх, зевает. Зевает и лапой брюхо чешет. А брюхо толстое, мохнатое.

Медвежата тоже проснулись. Смешные: губастые, головастые. Сонными глазами луп-луп, с лапы на лапу переминаются, плюшевыми башками покачивают.

Поморгали глазами, покачали башками — и схватились бороться. Лениво спросонок борются. Нехотя. Потом разозлились и сцепились всерьёз.

Кряхтят. Упираются. Ворчат.

А медведица всей пятернёй то по брюху, то по бокам: блохи кусают...

Послюнил я палец, поднял — ветер на меня тянет.

Смотрю.

От уступа, на котором были медведи, до другого уступа пониже, лежал ещё плотный нестаявший снег.

Дотолкались медвежата до края, да вдруг и скатились по снегу на нижний уступ.

Медведица перестала брюхо чесать, перегнулась через край, смотрит.

Потом позвала тихо: «Рррмуу!»

Покарабкались медвежата наверх. Да на полгорке не утерпели и схватились опять бороться. Схватились — и опять покатались вниз.

Понравилось им.

Выкарабкается один, ляжет на пузечко, подтянется к краю, раз — и внизу. За ним — второй. На боку, на спине, через голову. Визжат: и сладко, и страшно.

Я и про ружьё забыл. Кому же придёт в голову стрелять в этих неслухов, что штаны себе на горке протирают!

Медвежата наловчились: схватятся — и катятся вниз вдвоём.

А медведица опять раздремалась.

Долго смотрел я на медвежью игру. Потом вылез из-за камня.

Увидели меня медвежата — притихли, во все глаза глядят.

А тут и медведица меня заметила. Вскочила, фыркнула, вскинулась на дыбы.

Губа у неё отвисла, и два клыка торчат. Клыки мокрые и от травы зелёные.

Вскинул я ружьё к плечу.

Медведица схватилась обеими лапами за башку, рывкнула — да вниз с горки, да через голову.

Медвежата за ней — снег вихрем. Я ружьём
вслед машу, кричу:

— А-а, растяпа, будешь спать!

Бежит медведица по скату так, что задние лапы за уши забрасывает. Медвежата сзади бегут, курдючками толстыми трясут, оглядываются. И холки горбиком, как у мальчишек-озорников, которых матери закутают зимой в платки: концы под мышки и на спине узел горбиком.

Убежали медведи.

«Эх, — думаю, — была не была!»

Сел я на снег и — раз! — вниз по накатанной медвежьей горке.

Оглянулся — не видал ли кто? И весёлый пошёл к палатке.

НЕСЛУХ

Медведицы — строгие матери. А медвежата неслухи. Пока ещё сосут — сами сзади бегают, в ногах путаются.

А подрастут — беда!

Да и медведицы сами со слабинкой: любят в холодке подремать. А весело ли медвежатам слушать их сонное сопение, когда кругом столько заманчивых шорохов, писков, песен!

От цветка к кусту, от куста к дереву — и забредут...

Вот такого неслуха, удравшего от матери, я однажды и встретил в лесу.

Я сидел у ручья и макал сухарь в воду. Был я голодный, а сухарь был жёсткий, потому трудился я над ним очень долго. Так долго, что лесным жителям надоело ждать, пока я уйду, и они стали вылезать из своих тайников.

Вот вылезли на пенёк два зверёк-полчка. В камнях запищали мыши, — видно, подрались. И вдруг на поляну выскочил медвежонок. Медвежонок как медвежонок: головастый, губастый, неловкий.

Увидел медвежонок пенёк, взбрыкнул курдючком — и боком с подскоком прямо к нему. Полчки — в норку, да что за беда! Медвежонок хорошо помнил, какими вкусными вещами угощала его мать у каждого такого пня. Успевай только обливаться!

Обошёл мишка пенёк слева — никого нет. Заглянул справа — никого. Сунул нос в щель — полчками пахнет! Вылез на пенёк, поцарапал пенёк лапой. Пенёк как пенёк.

Растерялся мишка, притих. Оглянулся кругом. А кругом лес. Густой. Тёмный. В лесу шорохи. Слез мишка с пня — и потрусил дальше.

На пути камень. Повеселел мишка: дело знакомое!

Подсунул лапу под камень, упёрся, нажал плечом. Поддался камень, пискнули под ним испуганные мышата.

Бросил мишка камень — да обеими лапами под него. Поторопился: камень упал и придавил мишке лапу. Взвыл мишка, затряс больной лапой. Потом полизал, полизал её — да и похромал дальше.

Плетётся, по сторонам больше не глазеет, под ноги смотрит.

И видит: гриб. Пуглив стал мишка. Обошёл гриб кругом. Глазами видит: гриб, можно съесть. А носом чует: плохой гриб, нельзя есть!

И есть хочется... и страшно!

Рассердился мишка — да как треснет по грибу здоровой лапой! Лопнул гриб. Пыль из него фонтаном жёлтая, едкая — прямо мишке в нос.

Это был гриб-пыхтун. Зачихал мишка, закашлял. Потом протёр глаза, сел на задок и завыл тихо-тихонечко.

А кто услышит? Кругом лес. Густой. Тёмный. В лесу шорохи.

И вдруг — плюх! Лягушка! Мишка правой лапой — лягушка влево. Мишка левой лапой — лягушка вправо.

Нацелился мишка, рванулся вперёд — и подмял лягушку под себя. Зацепил лапой, вытащил из-под брюха. Тут бы ему и съесть лягушку с аппетитом — первую свою добычу.

А ему, дурачку, только бы играть.

Повалился на спину, катается с лягушкой, сопит, взвизгивает, будто его щекочут.

То подкинет лягушку. То из лапы в лапу передаст.

Играл, играл, да и потерял лягушку.

Обнюхал траву кругом — нет лягушки. Так и брякнулся мишка на задок, разинул рот, чтоб заорать, да и остался с открытым ртом: из-за кустов на него глядела старая медведица.

Медвежонок очень обрадовался своей мохнатой мамаше: уж она-то приласкает его и лягушку ему найдёт.

Жалостно скуля и прихрамывая, он потрусил ей навстречу. Да вдруг получил такую затрещину, что разом уткнулся носом в землю.

Вот так приласкала!

Обозлился мишка, вскинулся на дыбки, рывкнул на мать. Рывкнул — и опять покатился в траву — от оплеухи.

Видит, плохо дело! Вскочил — и бегом в кусты.

Медведица за ним.

Долго слышал я, как трещали сучья и как рывкал медвежонок от мамашиних затрещин.

«Ишь, как уму да осторожности его учит!» — подумал я. Убежали медведи, так меня и не заметили.

таким здоровым-то — подлезть под камни. В кровь себе горбину стёрли, а пришлось отступить.

Пробовала ловить его и страшная рысь — большая пятнистая кошка с маленькой головой и гибким, как у змеи, телом. Во все дыры между камнями совала свой нос. Всюду под камнями вкусно пахло зайчатиной, но ни раздвинуть камни, ни проскользнуть между ними она не могла.

На беду заячью, жили на той горе, как уже сказано, и лисицы.

Уж лисицы-то — самые хитрые звери и зайцев ловить — великие мастера.

Зиму зайчишка Рваные Ушки перезимовал у себя в камнях благополучно.

ХИТРЮЩИЙ ЗАЙЧИШКА

В жизни не видал такого хитрого зайца! Да и то сказать: не будь он так хитёр, давно бы попал орлу в когти или кому-нибудь из хищных зверей в зубы.

Лисиц, волков, рысей здесь множество, и они переловили всех зайцев на этом склоне горы. Остался один — Рваные Ушки.

Уши нарвал ему беркут — горный орёл — за неосторожность. С тех пор зайчишка и стал таким умным.

Беркут был молодой, неопытный. Старый орёл падает прямо на спину зайцу и ломает ему хре-

бет. Молодой догонял зайчишку — и проловил. Вцепился когтями в длинные заячьи уши.

Заяц на бегу вырвал свои уши из страшных орлиных когтей — и шмыг под камни.

Эти камни на склоне лежали грядой, образуя собой как бы длинную трубу или нору: зайчишке под ней есть где пролезть, а лисе или орлу — никак.

Беркут сел перед входом, сунул в нору шею, а крылья его не пускают. Пришлось отказаться от добычи. Улетел другого зайца ловить — поглупее.

Зайцы не устраивают себе постоянных логовищ, как кролики. Кормятся они ночью.

Начнёт светать — заяц поскачет, след свой заплетает, запутает, махнёт с него в сторону и ляжет на весь день где-нибудь под камнем или кустиком.

Да не спасли эти хитрости, давно известные всем любителям зайчатины, других зайцев на этом

открытом, безлесном склоне горы. Уцелел, говорю, один этот хитрющий зайчишка.

А почему уцелел? Потому, что, вопреки всем заячьим обычаям, избрал себе постоянным логовом вот эту самую гряду камней, которая спасла его уже однажды от молодого беркута.

Не раз с тех пор охотились за ним и старые, опытные беркуты. Но зайчишка не отходил далеко от своих камней.

Нырк! — и спрятался под ними.

Пробовали ловить его и волки. Да куда им —

А весной, как стоял снег, увидали его лисицы: лис и лиска. Они в эту пору года дружно живут, детей выводят. Ну и взялись за него вдвоём.

Зайчишка лежал на склоне — пузечко на солнце грел. А сам по сторонам косился: не грозит ли откуда опасность?

Лис к нему ну подкрадываться на согнутых лапках. Да не тут-то было!

Заметил зайчишка, вскочил... Лис за ним как кинется!

А Рваные Ушки прыг, скок — и дома.

Лис стал у входа в зайчишкину нору и ждёт.

Рваные Ушки так делал: уйдёт тот, кто его ловит, — он подождёт немножко и выйдет наружу. Тут-то лис его и хотел схватить.

Но Рваные Ушки так испугался лиса, что пробежал всю длинную трубу, всю свою нору под камнями и выскочил с другой стороны каменной гряды. Так он не раз спасался от волков и рыси. Для них хороша была эта хитрость, а вот для лисиц — не очень-то!

Лис только ещё начал подкрадываться к зайчишке, а лиска уже со всех ног бежала к другому концу каменной гряды. Прибежала и стоит у выхода из норы, караулит.

Зайчишке с его умишком где уж про такое догадаться! Он и выскочил из норы — прямо на лиску!

Лиска в это время уже облизывалась: мечтала, как сейчас сладкой зайчатинкой полакомится.

И хорошо, что облизывалась: не успела она язык убрать, зайчишка верть налево кругом — и нырк назад в нору!

Тявкнула лиска с досады, а ничего не поде-лаешь: сама виновата. Остаётся теперь обоим охотникам — лису и лиске — спрятаться и терпе-ливо дожидаться, когда зайчишка с той или дру-гой стороны каменной гряды выскочит. Правиль-ную осаду держать.

Вот и сидят лисицы: лис — у входа, лиска — у выхода; ждут.

А зайчишка Рваные Ушки, не будь глуп, взял да высунул голову из дырки между камнями по-середине гряды. Поглядел он в одну сторону — там лис караулит, за камень прячется. Поглядел в другую — там лиска за кустом сидит, караулит.

Видят и лисицы: высунутся вдруг посреди гря-ды длинные заячьи уши с чёрным пятнышком на конце, крутнёт ими заяц в одну сторону, крутнёт в другую — и опять уши спрячутся.

Поняли: надо снимать осаду. Видно, там у зай-чишки между камнями трава растёт. Закусывает он ею. Его и измором не возьмёшь.

Ушли лисицы восвояси.

Вот до чего хитрющий зайчишка, двух лисиц провёл и цел остался!

ДЖЕЙРАНЧИК

Волка ноги кормят. А вот джейрана ноги спасают.

Джейраны — быстрые газели — живут в сухих южных степях. Много у джейранов врагов: и человек, и волк, и даже орёл. А спасенье одно — ноги.

Вихрем носятся джейраны по степи. Кажется, что это не звери бегут, а птицы летят. Только пыль завивается из-под крепких копыт! Тут уж и ноги волка не прокормят!

Нет у джейраньей степи ни конца, ни края. На

своих на двоих не скоро её перешагаешь. Но я еду верхом.

Еду, посвистываю. И вдруг—стоп! Коняшка под ноги глазом косит. У копыт его кротовина — кучка жёлтой сухой земли. А конь ноздри раздул, ушами прядёт — и ни с места.

Вгляделся я: да это совсем не кротовина, это джейранчик! Прижался к земле, замер и дышать перестал.

Джейранчик крошечный, с зайца. Он недавно родился. Лобик у него крутой и вместо рожек — пупырышки. А ножки тонкие-тонкие и длинные-длинные. Ненадёжные ножки. И щуплый — рёбрышки на боках проступают. Одна надежда на шкурку-невидимку. А шкурка и впрямь невидимка: не отличишь от степной земли. Тут и орлиный глаз обманется. Но человек не птица, его на кротовине не проведёшь.

Соскочил я с коня и протянул к джейранчику руку. А он как вскочит на тонкие ножки, как вытаращит на меня чёрные глазёнки, как ударит копытцем в землю — пыль фонтаном! И — ходу! Я за ним. Куда там! Летит как птица.

— Ах так! — рассердился я. — На своих на двоих не догоню, — на четырёх лошадиных настигну!

Вскочил на коняшку, стиснул ему каблуками бока. Взвился конёк, замоталась по ветру конская грива, захлестала меня по лицу. Вмиг догнал я джейранчика. А он — бух! — и с ног! Запал, затаился. И глаза закрыл: глаза-то у него большие, блестящие — очень заметные. И опять стал как кротовина.

Перегнулся я с коня, тянусь — нет, не достать!
Соскочил с коня — джейранчик бежать!

Я на коня — джейранчик на землю!

Подъеду к нему, ловчусь, — нет, не дотянуться!
Коняшка боится на него наступить и близко не
подходит. А соскочу — он ходу!

Не видно конца нашей гонке: бегом не догнать,
с коня не достать.

Смотрю я на джейранчика сверху и дивлюсь:
мал, а хитёр! Видно, у джейранов спасение-то не
в одних только ногах. И голова что-нибудь да
стоит. Даже если на этой голове вместо рожек
ещё только пупырышки.

Взбодрил я каблуком коняшку — и потрусили
мы своей дорогой. Еду, посвистываю. А что мне
осталось делать?

ПЕСЕНКИ ПОДО ЛЬДОМ

Это случилось зимой: у меня запели лыжи! Я бежал на лыжах по озеру, а лыжи пели. Хорошо пели, как птицы.

А вокруг снег и мороз. Слипаются ноздри, и стынут зубы.

Лес молчит, озеро молчит. Петухи в деревне молчат. А лыжи поют!

И песенка их — как ручеёк, так и льётся, так и звенит. Но ведь не лыжи же, в самом деле, поют, где уж им, деревянным. Подо льдом кто-то поёт, прямо у меня под ногами.

Уйди я тогда, и подлёдная песенка осталась бы чудесной лесной загадкой. Но я не ушёл...

Я лёг на лёд и свесил голову в чёрный пролом во льду.

За зиму вода в озере усохла, и лёд навис над водой, как лазоревый потолок. Где навис, а где обрушился, и из тёмных провалов курчавится пар. Но ведь не рыбы же поют там птичьими голосами? Может, и вправду там ручеёк? Или, может, звенят рождённые из пара сосульки?

А песня звенит. Живая она и чистая; такую ни ручью, ни рыбам, ни сосулькам не спеть. Такую только одно существо на свете может спеть — птица...

Я стукнул лыжей по льду — песенка смолкла. Я постоял тихо — песенка зазвенела опять.

Тогда я что есть силы стукнул лыжей об лёд. И сейчас же из тёмного провала выпорхнула чудо-птица. Села она на край полыньи и трижды мне поклонилась.

— Здравствуй, подлёдная певунья!

Птичка опять кивнула и спела на виду подлёдную песню.

— А я ведь знаю тебя! — сказал я. — Ты оляпка — водяной воробей!

Оляпка ничего не ответил: он умел только кланяться и кивать. Снова юркнул под лёд, и оттуда загремела его песня. Ну и что, что зима? Подо льдом ведь нет ни ветра, ни мороза, ни ястреба. Подо льдом чёрная вода и таинственный зелёный полумрак. Там, если погромче свистнуть, всё зазвенит: эхо помчится, стучаясь о ледяной потолок, увешанный звонкими сосульками. Чего бы оляпке не петь!

А нам чего бы его не послушать!

ПОЧЕМУ ЗЯБЛИК—ЗЯБЛИК?

Д

авно я дознавался: почему зябликов зябликами зовут?

Ну славка-черноголовка — понятно: у неё беретик чёрный на голове.

Зарянка — тоже ясно: поёт всегда на заре и на грудничек у неё цвета зари.

Овсянка — тоже: на дорогах всю зиму овёс подбирает.

А вот почему зяблик — зяблик?

Зяблики ведь совсем не зяблики. Весной прилетают как только снег сойдёт, осенью часто до нового снега задерживаются. А бывает, и зимуют, если корм есть.

И всё-таки называли вот зяблика зябликом!

Этим летом я, кажется, эту загадку разгадал.

Шёл я по лесной тропинке, слышу — зяблик гремит! Здорово поёт: головку запрокинул, клюв

разинул, на горлышке пёрышки дрожат — будто он горло водой полощет. И песенка из клюва так и брызжет: «Витт-ти-ти-ти-ти, ви-чу!» Даже хвостик трясётся!

И тут вдруг тучка наплыла на солнце: накрыла лес тень. И зяблик сразу сник. Нахохлился, насупился, нос повесил. Сидит недовольный и уныло так произносит: «Тр-р-р-р-рю, тр-р-р-рю!» Будто у него от холода «зуб на зуб не попадает», таким дрожащим голосом: «Тр-рю-ю!»

Кто такого увидит, сразу подумает: «Ишь зяблик какой! Чуть солнце за тучку, а он уже и нахохлился, задрожал!»

Вот почему зяблик стал зябликом!

У всех у них такая повадка: солнце за тучу, зяблики за своё «трю».

И ведь не от холода: зимой-то и похолоднее бывает.

Разные на этот счёт есть догадки. Кто говорит — у гнезда беспокоится, кто — перед дождём так кричит. А по-моему, недоволен он, что солнце спряталось. Скучно ему без солнца. Не поётся! Вот он и брюзжит.

Впрочем, может, и я ошибаюсь. Разузнайте-ка лучше сами. Не всё же вам готовенькое в рот класть!

ТРИ ЯИЧКА

Ш

ёл я по лесу.

Вижу: лежит на земле яичко. Яичко как яичко: беленькое, круглое, небольшое.

«Что, — думаю, — за птица это яичко снесла? Хоть бы посмотреть на неё!»

Посмотрел я вокруг — нет никого. Заметил тогда я место и дальше пошагал.

По лесу ходить — под ноги смотреть надо. А я всё по сторонам глазею. Вот и споткнулся о кучу прелых листьев.

Поднялся и вижу: белеется в листьях ещё яичко! Тоже белое, продолговатое, небольшое.

Я листьями яичко прикрыл, место заметил. И дальше пошагал. И хоть по делу иду, а не

могу по сторонам не смотреть! Бабочки из цветочных вазочек нектар пьют. Кузнечик собственной ногой, как смычком, на своих же крылышках играет. Жук-листоверт сворачивает из листьев зелёные кулёчки. Муравей под листом стадо тлей пасёт. У каждого своё дело.

Загляделся я — и кувырк с обрыва! Так в песок и зарылся! Хорошо ещё, в речку не угодил.

Встал я, в ушах песок, в глазах песок и даже в карманах песок.

Отряхнулся, протёр глаза и вижу: торчит из песка яичко! Простое: беленькое, круглое, как теннисный шарик.

Ну и везёт мне сегодня!

Присыпал яичко, заметил место. Сам думаю: «Три яичка — и все без гнезда! Может, их и не птицы снесли?»

ЯИЧКО В ПЕСКЕ

Говорят: «Из яичка вылупится птичка». «Птичка-то птичка,— думаю,— да вот только какая?»

День прошёл, два прошло, на третий собрался я в лес. По сторонам уж больше не глазею, спешу.

Вот обрыв у воды, вот песок, в песке яичко.

В самый раз поспел: яичко-то уж с трещинкой! Вот-вот высунется в трещинку птичий нос.

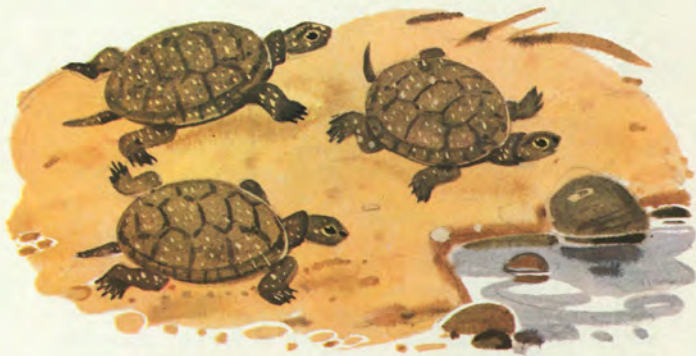
Качнулось яичко, кусочек скорлупки выпал — высунулся птичий нос. Смешной такой, нос-коротышка. Толстый, короткий, как у попугайчика.

Но попугайчики-то только в жарких странах живут!

Треснула скорлупка, яичко расселось и... выползла из яйца черепашка! Сама с пяточок, глаза, как у змейки, ножки лопаточкой. Один нос птичий. Ковыль-ковыль по песку. Да ловко так, будто всю жизнь по песку бегала. И хоть бы помедлила: сразу в поход.

Тут рядом песок зашевелился: полезли из-под него другие черепашки. Не одно яичко было зарыто в песке.

Бойкие черепашата: сами из яиц вылезли, сами из песка выползли, сами в воду нырнули. Прямо как большие, хоть ростом с пуговицу.

ЯИЧКО В ЛИСТЬЯХ

День прошёл, второй прошёл, собрался я снова в лес. Опять в самый раз поспел. Яичко, что в листьях лежало, набухло, стало упругим, и дырочка в нём проклюнулась. Вот-вот высунется птичий нос!

Шевельнулось яичко, дырочка раздалась, и выползла из него, как краска из тюбика, змейка!

Длиной с карандаш, на затылке два белых пятна. Ужонок, конечно. И только глаза, как у птички.

Подразнил меня раздвоенным языком, прошипел что-то себе под нос и пополз. Ловко пополз, будто всю жизнь по листьям ползал. За ним другие ужата: тоже не одно яичко под листьями было.

Растерялся я. Вот уже два яичка без птички. Что-то в третьем яйце будет?

ЯИЧКО НА ЗЕМЛЕ

День дома просидел, два просидел, на третий не вытерпел. Пошёл туда, где яичко прямо на голой земле лежит. Последнее из трёх!

Мне торопиться надо, а я опять по сторонам смотрю: столько в лесу интересного! Вот жуковозник в старый гриб вгрызается; уж одни ноги торчат. Вон гусеницы по земле ползут, да не как попало, а стройной колонной, ряд за рядом, как солдаты на марше. А вот муравей улитку укусил — она как запищит! Вот никогда не думал, что улитки пищать умеют! Надо будет запомнить.

На этот раз я опоздал. Вот та полянка, вот моя метка, а яичка нет! Растёт на месте яичка... гриб! Бурый, в два кулака дождевик.

Понял я, что вовсе не яичко я тогда нашёл. Просто торчала из земли беленькая грибная макушка, только что высунулась. Потому-то и не вылупилось из неё ничего: ни птичка, ни змейка, ни черепашка. Просто гриб вырос.

И хоть бы гриб какой стоящий, а то гриб-дождевик!

Это тот самый, из которого, если наступить, бурая пыль летит; ни варить его, ни солить, ни жарить. Только ногой поддать.

Я так и сделал: как наподдал, так пыль и за клубилась!

Вот вам и простые яички!

Вот вам «из яичка вылупится птичка».

Всё может быть!

В подводном лесу

ПОД ВОДОЙ

В подводном мире всё не так, как у нас на земле.

Передвигаться там нужно не стоя, а лёжа. Там очень трудно шагать, но зато просто летать. А прыгать там можно даже вниз головой.

Руки и ноги в этом мире становятся на треть короче, а рыбы, раковины и водоросли — на треть своего роста длинней. Вода сплюсчивает расстояния и увеличивает предметы.

В подводном мире никогда не бывает дождя и снега. На небе там не звёзды, не тучи, а волны. Между волн перекатываются пузырьки воздуха — блестящие, как звёздочки!

Зимой там не бело, а черно: всю зиму непроглядная ночь.

Там нет горизонта — черты, где земля сходится с небом.

По земле подводного мира не скачут весёлые солнечные зайчики. Там колышутся широкие солнечные ленты — отсветы волн и солнца. Лиловые тени от красных кустов лежат на зыбкой серой земле. Мягкая зелёная дымка заволокла всё вокруг — нет ни резких теней, ни острых углов.

Всё неверно, призрачно и таинственно.

Всё не так, как у нас на земле.

* * *

Я еле дождался лета: так не терпелось спуститься под воду и увидеть рыб.

Наши озёрные рыбы — не диковина. Ерши, плотва, окуни, щуки — кто их в руках не держал?

Но одно дело — рыба в руке, а другое — в воде. В воде рыба дома, там она живёт. А в руке рыба снёт — умирает.

У снулой рыбы даже цвет неживой — блёклый.

Рыбаки говорят, что снулая рыба вянет.

А то ли дело рыбы живые! Яркие, быстрые, резвые.

Кому на таких посмотреть не охота!

На лицо я надел водолазную маску.

Ноги сунул в резиновые ласты.

Стал я похож на одноглазую лягушку. И, как лягушка, нырнул в воду.

ПЯТОЕ ИМЯ

Плотвицы совсем как ласточки: стройны, быстры, непоседливы. Но цветом они на ласточек не похожи.

В воде плотвицы кажутся серыми, и рыбаки иногда называют их за это серянками. Или краснопёрками — за красные плавнички.

Плотвицы всегда в движении. То серыми тенями шныряют между водорослей, то разом взметнутся, блеснут, как солнечные зайчики. За этот блеск плотву зовут ещё серебрянкой.

Есть у плотвы и ещё одно имя — четвертое.

Как-то пробирался я сквозь заросли и выплыл на подводную поляну. Пусто на полянке. Одни пузырьки, будто белые мотыльки, взлетели вверх.

И вдруг вокруг меня вихрем закружили красные искры!

Я даже вздрогнул — глаза!

Красные, блестящие, как огоньки.

Мимо таких глаз не проплывёшь, остановишься: не глаза, а настоящие стоп-сигналы!

За красные глаза многие рыбаки зовут плотву красноглазкой.

Сколько имён у плотвы: серянка, краснопёрка, серебрянка, красноглазка! И все хороши.

Но будь моя воля, дал бы я плотвицам пятое имя — водяная ласточка. Уж очень они резвы и ловки. И хвост, как у ласточки, вилочкой.

ПОДВОДНЫЕ ЕЖИ

Верше, как и в еже, заметнее всего — колючки.

Голова, хвост, посредине колючки — вот и весь ёрш.

И ещё глаза: лилово-синие, большие, как у лягушки.

Ростом ёрш — с мизинчик. А если с указательный палец, то это уже ершовый старик.

Напугали меня эти старики. Плыву и вижу: дно зашевелилось! Зашевелилось и уставилось на меня точками тёмных глаз.

Это ерши — старик к старику! Сами-то незаметны: хвосты, головы, колючки — всё такое же

пятнистое, как дно. Видны одни глаза. Я повис над ершами, свесив ласты.

Ерши насторожились. Пугливые вдруг стали падать на дно, выгибаться и нарочно поднимать облачка мути.

А сердитые и отважные взъерошили на горбу колючки — не подступись!

Как ястреб над воробьями, стал я кружить над ершовой стаей.

Ерши выжидали.

Я стал похрипывать в дыхательную трубку.

Ерши не испугались.

Я вытаращил глаза — им хоть бы что!

Тогда я... чуть не сказал: «Плюнул на ершей»... Нет, я не плюнул, под водой ведь не плюнешь, — а махнул на ершей ластом и поплыл прочь.

Да не тут-то было!

От резкого взмаха ластом со дна взмыла и завихрилась муть. Все ерши устремились к ней: ведь вместе с мутью поднялись со дна вкусные червячки и личинки!

Чем быстрее я работал ластами, торопясь уплыть, тем больше поднимал со дна ила.

Тучи ила клубились за мной, как тёмные грозовые облака. За тучами тянулись стаи ершей.

Отстали ерши только тогда, когда я выплыл на глубину. Но на глубине мне стало не по себе. Я ещё не привык к глубине, — это были ведь ещё мои первые шаги под водой.

Дно опускалось всё глубже и глубже. А мне казалось, что я лечу над землёй и взмываю всё выше и выше. Так и хотелось за что-нибудь ухватиться, чтобы не грохнуться с такой высоты!

Я повернул назад.

Вот опять заросли. В зарослях ерши. Вроде и веселей: всё живые души!

Ерши-мизинчики плавают в полводы, а старики—на дне. Теперь я нарочно поднял ластами муть. «Старики» и «мизинчики», как воробьи на просо, кинулись на неё.

Я уже больше не пугаю ершей: не хриплю в трубку, не таращу на них глаза.

Просто смотрю.

И потому даже самые пугливые больше не падают на бок, чтобы поднять со дна муть и спрятаться в ней. А самые сердитые не топорщат колючки на горбах.

Покладистые ребята. Колючки в ершах хоть и самое заметное, но не самое главное!

РЫБЯТА

Светло и весело под водой в солнечный день!

Особенно на мелководье. Там на песчаных полянках растут длинные и тонкие водоросли, похожие на зелёные волосы.

На эти полянки из холодной и сумрачной глубины wypлывают мальки — принять солнечную ванну. Мальки толкутся на поляне, как комары-толкуны.

Проплывёшь сквозь мальковый рой — будто под грибным дождиком пробежишь. Всё вокруг сверкает, и тело щекоют лёгкие «дождинки». Мальки заглядывают в маску, виляют хвостиками у самого носа. Но поймать их так же невозможно, как и схватить падающие капли дождя.

Мальки всегда очень заняты. То они сосут листики — зелёные соски. То подвешиваются на губах к водорослям — и висят как блестящие ро-синки.

Жадные хватают комаров с водяного неба, а любопытные даже высовывают свои носы в наш мир.

Пронеслась однажды над водой мотыльковая метель. Легкокрылые подёнки устлали воду белыми крылышками. Мальки сейчас же высунули носы из воды. Но тут вдруг страшная чёрная тень пронеслась над их головами. Мальки в ужасе брызнули вниз.

Я вынырнул и успел увидеть чёрное чудовище. Это была... ласточка! Она подхватывала упавших на воду мотыльков.

Вот натерпелись мальки страху!

Но рыбята, как и все ребята, не любят унывать. Унеслась ласточка — все сразу за дело. Кто нос в небо, хвостик вниз; кто листик сосёт; кто мотылька за крыло тянет.

Катят по небу серые волны. Колышутся по дну широкие жёлтые ленты-блики.

Между волн перекачиваются шарики воздуха, а между жёлтых лент покачиваются мальки. Блестящие, как капельки солнца.

Светло и весело под водой!

РЫЦАРЬ

Никто и никогда не нападал на меня в воде. Даже большие зубатые щуки. И вдруг накинусь малыш, ростом с палец! Тело его защищено широкими блестящими пластинками. Как у рыцаря, закованного в латы. На горбу трезубец — три колючки. На груди ещё две, как два кинжала.

Рыцарь грозно растопырил все свои пять колючек и бесстрашно встал на моём пути. Он прямо весь потемнел от гнева, и глаза его позеленели от злости.

Рыцарь был смел и красив. Спина у него была синего цвета, бока — как серебро, а щёки малиновые.

Я протянул к нему палец. Он кинулся вперёд, ткнул палец трезубцем, и из пальца вязкой струйкой потянулась вверх кровь.

Я попятился назад, поднимая ластами тучи ила. Скорей укрылся за кустом пушистого роголистника и стал смотреть.

И тут открылась мне тайна маленького смелого рыцаря: оказывается, он сторожил свой дом!

Дом его был размером с кулак и похож на кулак, неплотно сжатый: с одной стороны вход, с другой — выход. А в домике была икра.

Никто не мог безнаказанно приблизиться к его дому. Грозя колючками, он бросался даже на больших рыб. Вот проплыла над домиком, извиваясь, как чёрная лента, пиявка. Рыцарь весь побагровел, вцепился в пиявку зубами и стал трепать её, как треплет собака крысу. Водяного скорпиона он схватил за клешню, уволок под широкий лист кувшинки и там выплюнул.

Ни на миг он не забывал о врагах. Даже проплывающий листик и шевелящаяся тень выводили его из себя. Он сразу «менялся в лице», глаза его зеленели, и на скулах выступали красные пятна. Даже белый живот краснел от гнева.

По цвету живота можно было сразу узнать его настроение.

Блестели латы: рыцарь готов был к бою и с крохотным жучком-гладышем, и с великаном-человеком.

Кто бы мог подумать, что даже простая ко-

люшка становится рыцарем, если угрожать её дому!

Колюшка-папа сторожил свой дом.

Колюшка-папа очень заботливая рыбка — не то что колюшка-мама. Колюшка-мама отложит икру — и поминай как звали. А колюшка-папа икру стережёт. А потом пасёт своих непоседливых колюшат. Самых бойких и непослушных, убегающих из дома, он хватается ртом, тащит назад и выплёвывает прямо в дверь.

Говорят, что если разорить колюшкин дом, то колюшка-папа от горя бледнеет — совсем теряет свою яркую боевую окраску. И даже перестаёт есть.

Мне совсем не хотелось, чтоб такая красивая и бойкая рыбка стала бледной и скучной. Я выбрался из куста роголистника и поплыл в сторону от рыбьего домика.

ГОЛУБОЙ РАК

Всем известно, что рак красный. Даже говорят: «Красный как рак!» Но красным рак становится только в кипятке. Живой рак бурого цвета. Это тоже всем известно.

Но вот известно ли кому, что среди обыкновенных раков встречаются голубые?

Однажды летом я поймал такого в Грязной речке. Всё у него, как у бурого рака: клешни, глаза на стебельках, раковая шейка. А цвет — голубой!

Панцири обыкновенных раков всегда под цвет тёмного дна, а этот голубой, как весеннее небо. А что, если и его в кипяток, каким тогда станет? Неплохо бы сварить. Ракоеды говорят, что в те месяцы, в которых нет буквы «р» — летом — раки особенно вкусны!

И всё-таки я голубого рака не сварил, пожалел. Выбросил обратно в речку. Ведь может, это всем ракам рак. Может, от него вся порода рачья переменится. Может, не будут они, как водяные крысы, прятаться по тёмным норам, не станут пятиться задом. Может, поднимутся с тёмного дна к подводному небу и заживут среди ярких и красивых рыб. И может, нашу Грязную речку все назовут тогда — речка Голубых раков!

Так что вот: не все раки бурые.

Бывают и голубые.

Да будет и вам это известно!

РЫБЬИ ПЛЯСКИ

До восхода висело над горизонтом лиловое облачко с огненным ободком. Солнце поднялось багровое, и всё — земля и небо — окрасилось в красный цвет. Сажу под ивовым кустом с узкими красными листьями. Над головой свистят крыльями утки, и крылья у них розовые.

Необыкновенный рассвет!

Красные волны дробятся в красной реке. Алые клубы пара шевелятся над волной.

Чёрные чайки с криками мечутся в вышине, как чёрное воронье над заревом пожара. Будто обожжённые, они заламывают крылья и падают в горящую реку, выплёскивая снопы искр.

Всё ближе чайки, всё резче их крики.

И вдруг из красных волн стали выпрыгивать чёрные рыбки. Узкие, как листики ивы. Вылетят стоймя и стоймя же, хвостом вниз, падают в красную воду. Вот вылетел целый косячок и рассыпался веером. Вот опять: одна за одной, одна за одной.

Рыбьи пляски!

Гляжу во все глаза.

Неужто и рыбья кровь вспыхнула в это удивительное красное утро?

А посреди реки, в сутолоке волн, движутся два чёрных пятнышка: пятнышко поменьше и пятнышко побольше. Из воды торчит плоская головка да спина горбинкой. Выдра! Вот нырнула, будто растаяла, а из воды тотчас выметнулись рыбки и заплясали: вверх-вниз, вверх-вниз!

Чайки увидали — упали, заломив крылья. Стали хватать рыбок прямо на лету.

Всё сразу стало обыкновенным.

Солнце поднялось, и чёрные чайки стали белыми, чёрные рыбки — серебристыми, красная вода — серой. Лиловое облачко на горизонте шевельнулось и растаяло.

Хищники — чайки и выдра — вслед за пляшущими рыбками скрылись за поворотом реки.

А я лежал у коряги и записывал то, что видел. Начал писать на красном листочке, а кончил на золотом.

ОСЕНЬ ПОД ВОДОЙ

Вы купаетесь—раздеваетесь, а я купаюсь—одеваюсь. Надеваю тёплое бельё, тёплые брюки и тёплую куртку. На ноги натягиваю шерстяные носки, а на руки—шерстяные перчатки.

Поверх всего—резиновый костюм.

На лицо маску, на ноги ласты—и в воду.

Вы купаетесь летом, а я купаюсь и поздней осенью. Смотрю, какая осень под водой.

Холодно осенью в подводном лесу. Бешеный ветер гонит поверху злые волны. Жёлтые тростники клонятся над водой, будто заглядывают в глубину.

А в глубине всё в движении. Ёрзают по дну утонувшие листья. Покачиваются обомшелые

тростники. Набухшие брёвна-топляки переваливаются с боку на бок, как поросята.

Над озером высокое синее небо. На берегах берёзки — горящие свечи. Чёрные строгие ели. Трепетные красные осинки. Золотая осень.

А в подводном лесу золотой осени не бывает. Осень под водой всегда хмурая. Стынет от воды лицо. Не шуршат листья, не посвистывает ветер. Вокруг пустынно и глухо.

Ветви водорослей поломались, поникли, обвисли. Всё поблёкло и покрылось густым слоем мути.

Не играют быстрые блестящие рыбки. Рыбы опустились в тёмную глубину. Лягушки сбились в кучу и зарылись в густой ил. Одни зеленоглазые щуки быстро уходят, поднимая хвостами муть. Длинные тонкие водоросли шевелятся, как ленивые сонные змеи...

Землю скоро укутает снег — наступит белая зима. А воду затянет лёд. И под водой настанет долгая ночь — чёрная зима. И на земле и под водой все с нетерпением будут ждать прихода зелёной весны.

ШЁПОТ РЫБ

Когда первый раз заглянешь под воду, то хочется только смотреть и смотреть. Но оглядишься — и уже хочется вмешиваться в жизнь подводного мира: хочется рисовать, фотографировать. Но больше всего хочется узнавать. К тебе подплывают рыбы, рты их открываются и закрываются, будто они что-то шепчут...

Чтобы приучить к себе рыб и понять их язык, я устроил под водой сад. Я опустил на дно ёлочки и укрепил их большими камнями. Расчистил песчаные аллейки и обсадил их деревьями-водорослями. Под водорослями разложил большие раковины.

Ночью я зажигал в саду фонарь, рыбы заворачивали ко мне на огонёк и танцевали, и порхали вокруг фонаря, как ночные бабочки.

На песчаной полянке я вбил кол и к колу прикрепил полочку. На полочку сыпал пареное зерно и крупу, клал червяков и кузнечиков. Это была кормовая полочка, совсем такая, как и для птиц. И, словно птицы, на полочку слетались яркие рыбы: окуньки, плотвички, уклеи. Начиналась возня, суматоха, догонялки и отнималки. Точь-в-точь как у птиц! Только не слышно было птичьего чириканья и писка. И не потому, что чириканья и писка не было: крику было даже больше, чем у птиц. Но человеческое ухо так устроено, что не может слышать рыбьего голоса. Для этого нужно иметь особый, сложный прибор.

У меня не было такого прибора, и я не слышал, что говорят рыбы. Но, кроме хитрых приборов, есть на свете простой и верный способ услышать бессловесных животных. И не только услышать, но и понять, что они говорят. Для этого нужно их полюбить...

Мне очень понравились живые рыбы, и потому, наверное, я понял, что они хотели мне сказать.

Рыбы оказались большими хвастунишками! Они хвастали, что люди об их жизни знают совсем мало: куда меньше, чем о жизни зверюшек и птиц. Что вот только теперь, когда даже ребята смогут пользоваться водолазной маской и наблюдать рыб под водой, они расскажут людям кое-что интересное.

Рыбы хвастались, что они спасают людей от комаров и малярии: ведь они так много поедают комариных личинок!

Рыбы говорили, что если они покинут озёра и реки, то ребятам придётся выбросить свои удочки. А озёра и реки станут пустынными и неинтересны, как леса, из которых улетели птицы.

Рыбы жаловались. Они жаловались на жадных рыбаков, которые вылавливали их сетью с мелкой ячейкой. В такой сети запутываются даже мальки, не успевшие пожить и нагулять рыбьего жирку. Они жаловались на бесхозяйственных людей, которые сваливают в озёра и реки всякий хлам и спускают туда загрязнённую воду. От этого гибнут все рыбы: старые и малые.

Щуки и форели жаловались на охотников, которые стреляют в них из ружей во время нереста.

Рыбы просили ребят расчищать стоки в озёрах, а то от застоя в них начинает портиться вода. Жители мелких озёр очень просили пробивать зимой лунки во льду — чтобы не задохнуться.

И за всё это рыбы обещали — все в один голос! — не покидать водоёмов и веселее клевать летом на ребячьи удочки. Даже если приманка на крючке будет невкусная, а поплавок будет такой огромный, что его и под воду-то нелегко окунуть.

Это уже известно: там, где рыба хорошо живёт, всегда веселее клёв!

Вот сколько дел тем, кто захочет не только рыб ловить, но и помочь им.

СОДЕРЖАНИЕ

Загадочный зверь

Лесные тайнички	7
Тайна скворечника	13
Загадочный зверь	16
Тук-тук!	18
Плясуня	20
Медвежья горка	24
Неслух	29
Хитрющий зайчишка	33
Джейранчик	39
Песенки подо льдом	43
Почему зяблик — зяблик?	45
Три яичка	47

В подводном лесу

Под водой	57
Пятое имя	59
Подводные ежи	61
Рыбята	64
Рыцарь	66
Голубой рак	69
Рыбы пляски	71
Осень под водой	74
Шёпот рыб	76

Для старшего дошкольного возраста

Николай Иванович Сладков

ЗАГАДОЧНЫЙ ЗВЕРЬ

Художник В. Федотов

ИБЕ № 709

Редактор Н. Сендерова

Художественный редактор Г. Крюкова

Технический редактор М. Матюшина

Корректоры С. Ближнев и Н. Пьяикова

Сдано в производство 31.X.77 г. Подписано в печать 30.I.79 г. 84×108/16. Офс. № 1. Печ. офс., гарн. «беляк». Усл. печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 5,14. Тираж 150 000. Изд. № 894. Заказ № 404. Цена 65 коп. Издательство «Малыш», Москва, К-55, Бутырский вал, 68.

Надписанный ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР. Росгизполиграфиздат Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

